

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 12.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-2-77-82

МУРАЕВ Николай Павлович,
канд. пед. наук, доцент,
профессор кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ЖИГАЛОВ Александр Анатольевич,
магистрант,
Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. В статье рассматриваются истоки и эволюция представлений об экстремизме и терроризме, а также формирование правовых механизмов противодействия указанным явлениям. На основе анализа научных подходов к определению экстремистской деятельности и ее соотношения с терроризмом раскрываются проблемы квалификации деяний и разграничения смежных составов. Особое внимание уделяется международно-правовым основам сотрудничества государств в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также российскому законодательному регулированию противодействия экстремистской деятельности. В качестве историко-правового контекста привлекаются примеры из античной истории и религиозно-политических движений, демонстрирующие длительность и изменчивость форм радикализации и насильственных практик.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, терроризм, квалификация преступлений, противодействие экстремизму.

MURAEV Nikolay Pavlovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Docent,
Professor of the Department of Safety in Emergency Situations,
Ural Institute of the State Emergency Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Ekaterinburg, Russia

ZHIGALOV Alexander Anatolyevich,
Master's degree,
Ural Institute of State Emergency Situations Ministry
of Emergency Situations of Russia,
Ekaterinburg, Russia

THE HISTORY OF THE ORIGIN AND CLASSIFICATION OF TERRORISM

Annotation. The article examines the origins and evolution of ideas about extremism and terrorism, as well as the formation of legal mechanisms to counter these phenomena. Based on the analysis of scientific approaches to the definition of extremist activity and its correlation with terrorism, the problems of qualifying acts and distinguishing related groups are revealed. Special attention is paid to the international legal foundations of cooperation between states in the fight against terrorism, separatism and extremism, as well as the Russian legislative regulation of countering extremist activities. Examples from ancient history and religious and political movements are used as a historical and legal context, demonstrating the duration and variability of forms of radicalization and violent practices.

Key words: extremism, extremist activity, terrorism, qualification of crimes, countering extremism.

Обеспечение национальной безопасности и защита государства от внутренних и внешних угроз традиционно относятся к базовым функциям публичной власти. Эти задачи одновременно выступают условием стабильного развития общества и поддержания прав и свобод граждан. Поэтому постоянное обновление и настройка антитеррористических механизмов — в том числе на разных уровнях управления — приобретают стратегическое значение. Их результативность связана не только с поддержанием правопорядка внутри страны, но и с укреплением суверенитета и устойчивости государства в системе международных отношений [1].

Осмысление современных подходов к противодействию терроризму требует обращения к истокам явления и выделения его ключевых разновидностей (направлений). Однако анализ происхождения и эволюции невозможен без уточнения базового понятийного аппарата.

На практике термины «терроризм», «террор», «террористический», а также производные с приставкой «анти-» стали общеупотребительными и знакомы большинству взрослых людей во многих странах. При этом, несмотря на близость смыслового содержания, национальные правовые системы формулируют определение терроризма по-разному.

Так, в Российской Федерации терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решений органами власти, связанная с утратой населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [2]. В Китайской Народной Республике под терроризмом понимается использование взглядов либо действий для достижения политических, идеологических и иных целей посредством насилия, диверсий, угроз и других способов принуждения государственных органов и международных организаций [3]. В Соединённых Штатах Америки акцент делается на преднамеренном политически мотивированном насилии, совершаемом против гражданского населения или объектов национальными группами либо агентами/организациями, с целью повлиять на общественные настроения [4]. В Великобритании терроризм трактуется как применение силы либо угроза её применения для воздействия на правительство или международную правительственную организацию, направленные на запугивание общества и продвижение политических, религиозных или идеологических целей [5].

Определения терроризма закрепляются и на межгосударственном уровне — в рамках объединений и международного взаимодействия государств в сфере противодействия данной

угрозе. Так, в документах БРИКС подчеркивается, что соответствующие преступления во всех формах не должны связываться с какой-либо религией, национальностью, цивилизацией или этнической группой; они рассматриваются как посягательства на права человека, основные свободы и демократические институты, а также как угрозы территориальной целостности и безопасности государств [6]. В рамках ШОС терроризм описывается как деяние, признаваемое преступлением и выражающееся в запугивании населения, нарушении общественной безопасности либо принуждении органов власти (или международной организации) к противоправным действиям (бездействию) [7].

Следует отметить, что современная правовая практика России и ряда других государств выделяет не только терроризм как самостоятельное явление, но и вводит отдельное понятие экстремизма. Сам термин «экстремизм» получил широкое распространение преимущественно в начале XXI века, а его юридическое употребление (в том числе в российской правовой системе) связывают, в частности, с ратификацией конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [8]. В названной конвенции экстремизм рассматривается как деяние, ориентированное на насильственный захват либо удержание власти, а также на силовое изменение конституционного строя. Вместе с тем единое общепризнанное определение экстремистской деятельности в доктрине и практике отсутствует [9].

В российском законодательстве терроризм и экстремизм разграничиваются как различные явления, однако в прикладном плане они тесно взаимосвязаны и в совокупности формируют одну из наиболее значимых общественно-политических проблем. Нередко террористическая активность возникает на фоне экстремистских проявлений. Иными словами, противодействие экстремизму можно рассматривать как воздействие на предпосылки и стадии формирования террористической деятельности: от появления соответствующих установок до перехода к совершению преступлений. Поскольку терроризм нередко описывается как наиболее опасная, крайняя форма экстремизма, экстремистская идеология и практики могут выступать в роли среды, способствующей радикализации и дальнейшей эскалации противоправного поведения [10].

Следовательно, при анализе антитеррористической деятельности государства оправдано рассматривать её как комплекс мер, ориентированных на противодействие как собственно терроризму, так и сопряжённому с ним экстремизму.

Исторически феномен, который в современности обозначается термином «терроризм», был описан задолго до закрепления самого понятия. В частности, во время Великой французской революции при правлении Людовика XVI отдельные депутаты характеризовали соответствующие действия как попытки восстания и свержения власти, осуществляемые посредством «устрашения и приведения в ужас» [11]. Это позволяет сделать вывод, что вне зависимости от времени появления термина, логика политического насилия и запугивания как инструмента воздействия на власть и общество наблюдалась и в более ранние эпохи.

В источниках и исследованиях упоминаются примеры, которые нередко относят к ранним формам террористических практик. Так, в Римской республике в I веке до н.э. в рамках политической борьбы применялись проскрипции — списки лиц, подлежащих физическому уничтожению; при этом убийство человека, включённого в такие списки, могло сопровождаться имущественным вознаграждением [12]. Подобные меры приводили к масштабному насилию и подрыву общественной безопасности.

Отдельной линией в историографии рассматривается появление религиозно-политических движений в Иудее I века до н.э., действовавших против римской власти. В частности, исследователи связывают с ранними проявлениями террористической активности деятельность zelотов, нацеленных на устранение внешнего влияния и сопротивление римскому владычеству. В их структуре выделялось радикальное крыло — сикарии, применявшие тактику скрытных нападений на представителей власти и лиц, сотрудничавших с ней. К середине I века н.э. zelоты оформились в политическую силу, а последующие события, включая восстания и вооружённые столкновения, сопровождались крайне тяжёлыми демографическими и социальными последствиями. Исторические процессы периода господства Римской империи демонстрируют, что точечные акты устрашения со временем сменялись более организованными формами группового насилия, способными причинять существенный ущерб институтам власти и общественной стабильности [13].

Обращаясь к российской истории, отметим, что применение современного термина «терроризм» к событиям Древней Руси требует методологической осторожности. Тем не менее отдельные практики политического насилия в период междоусобиц (устранение соперников, внезапные нападения, запугивание сторон-

ников противника) по своей логике сопоставимы с инструментами давления, направленными на изменение политического баланса.

При этом наиболее заметным и длительным по времени этапом проявления экстремизма и его крайних форм в отечественной истории нередко называют события конца XIX — начала XX века. В этот период радикальные идеологические концепции, в том числе основанные на европейском революционном опыте, получили развитие; в частности, обсуждались идеи «философии бомбы» и «пропаганды действием», связываемые в литературе с М. Бакуниным и анархистским движением.

После рассмотрения вопросов происхождения и эволюции явления для последующего анализа мер государственного противодействия целесообразно перейти к классификации террористической и экстремистской деятельности. Такая классификация должна опираться на правовые подходы, поскольку именно правовое определение позволяет корректно выделять виды противоправных деяний и планировать меры по их нейтрализации.

В ответ на рост соответствующих угроз государство формирует комплекс мер, эффективность которых во многом определяется правильным выявлением и разграничением видов преступной активности. Правовые дефиниции террористической и экстремистской направленности закреплены, соответственно, в статье 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» и в статье 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Их анализ позволяет увидеть как особенности рассматриваемых явлений, так и общие принципы правового регулирования.

В законодательном подходе к террористической деятельности выделяются три укрупнённых категории преступлений террористической направленности:

- прямые террористические акты — наиболее опасные проявления, связанные с общепасными действиями (например, взрывы, поджоги, стрельба в общественных местах и т.п.); их смысл заключается не только в причинении вреда, но и в создании атмосферы массового страха для дестабилизации и давления на власть;
- деятельность по подготовке и финансированию терроризма — действия, которые могут быть менее заметны общественности, но обеспечивают возможность совершения террористических преступлений (вербовка, обучение, сбор средств, организационное формирование структур и т.д.);

- идеологическое сопровождение и пропаганда — публичные призывы, оправдание и популяризация терроризма, в том числе в информационной среде, направленные на распространение радикальных установок и расширение круга сторонников [2].

Преступления экстремистской направленности, нередко выступающие идеологической основой либо сопутствующим фактором террористической деятельности, обладают собственной спецификой. Их можно представить через два ключевых направления:

- деяния, основанные на ненависти и вражде — разжигание розни по национальному, религиозному или иному признаку, а также унижение достоинства личности, провоцирующее внутренний раскол общества;
- действия, ориентированные на подрыв основ государства — призывы к насильственному изменению конституционного строя, посягательства на территориальную целостность, организация массовых беспорядков, создание и участие в экстремистских сообществах [14].

Таким образом, сопоставление показывает: в террористической логике основным объектом воздействия выступают власть и общество (через механизм страха), тогда как экстремистская деятельность ориентирована на подрыв устойчивости государства и общественной консолидации, в том числе через формирование вражды и конфликтности.

Одновременно следует учитывать, что профильные федеральные законы задают официальные определения и общие рамки, тогда как Уголовный кодекс РФ переводит соответствующие виды активности в конкретные составы преступлений и меры ответственности, что обеспечивает более точную квалификацию.

Деяния террористической и экстремистской направленности в уголовно-правовом измерении относятся к преступлениям против общественной безопасности и представляют собой предусмотренные уголовным законодательством общественно опасные действия (либо бездействие), которые причиняют существенный вред общественным отношениям, обеспечивающим общественное спокойствие, стабильную работу социальных институтов и защищённость личных, общественных и государственных интересов.

Более детальная логика классификации по составу преступления была отражена, в частности, в первоначальной редакции статьи 205 УК РФ 1996 года, где терроризм раскрывался через применяемые способы (общеопасные действия) и

последствия (гибель людей, ущерб либо иные тяжкие последствия). Исторический анализ указывает на развитие законодательной базы: от более узкого установления ответственности в ранних кодексах (например, УК РСФСР 1922 г.) к более развёрнутой детализации и дифференциации в УК РФ 1996 г.

Для корректной квалификации проявлений экстремизма и терроризма Уголовный кодекс РФ закрепил их не как обычные нарушения порядка, а как особо тяжкие посягательства, затрагивающие основы конституционного строя и безопасность государства. Через систему специальных статей УК РФ определяются признаки состава, степень общественной опасности и меры уголовно-правовой защиты правопорядка.

В обобщенном виде террористическую и экстремистскую деятельность можно классифицировать по следующим основаниям:

1. по видам деятельности: организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация;
2. по направлению воздействия: международные организации, органы государственной власти, органы местного самоуправления, граждане;
3. по объектам посягательств: общественная безопасность и общественный порядок (как основной объект для терроризма) и основы конституционного строя, безопасность государства (как основной объект для экстремизма); здоровье и жизнь граждан; собственность; нормальное функционирование органов власти;
4. по способам совершения и используемым средствам:
для терроризма - взрывы, поджоги, вооруженные нападения, захват заложников; для экстремизма - публичные призывы, распространение экстремистских материалов, возбуждение ненависти в интернете;
5. по уровню организации: индивидуальная, групповая и международная деятельность.

Список литературы:

[1] Мураев, Н. П. Нормативно-правовая база и система субъектов противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации / Н. П. Мураев, А. А. Карапузиков, А. А. Жигалов // Российский научный вестник. – 2025. – № 11. – С. 107-112. – DOI 10.24412/2782-3830-2025-11-107-112. – EDN FTVGYM.

[2] О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.

[3] Закон Китайской Народной Республики о борьбе с терроризмом: Распоряжение Председателя Китайской Народной Республики от 27.12.2015 № 36 // Китайская правительственная сеть [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/2015-12/28/content_5029899.htm.

[4] Официальный сайт Государственного департамента США // Свод законов США, глава 22 раздел 2656f [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/j/ct/rls/crt/2013/224830.htm> (дата обращения: 29.10.2025).

[5] Официальный сайт правительства Соединённого Королевства Великобритании // Закон о борьбе с терроризмом и обеспечении безопасности [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/collections/counter-terrorism-and-security-bill> (дата обращения: 29.10.2025).

[6] Контртеррористическая стратегия БРИКС (принята 17.11.2020) // Информационный центр БРИКС [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/2020-counterterrorism.html> (дата обращения: 29.10.2025).

[7] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (утв. 15.06.2001) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rus.sectsco.org/20010615/1608470.html> (дата обращения: 29.10.2025).

[8] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (принята на заседании ШОС 15.06.2001) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/1744499/ (дата обращения: 26.02.2025).

[9] Гачава М. Л., Симонова М. А. Теоретические основы понятия экстремистской деятельности и меры по их противодействию // Вестник Владимирского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 4(38). С. 37–41.

[10] Грозина Е.В., Грозин С.Ю. Соотношение терроризма и экстремизма: вопросы квалификации // Закон и право. 2025. № 2. С. 227-230.

[11] Немчинов, Н. Д. Историческое развитие правовых механизмов предупреждения и профилактики экстремизма и терроризма / Н. Д. Немчинов // Стратегии развития современной науки : Сборник научных статей. – Москва : Издательство «Перо», 2024. – С. 17-20. – EDN NQNPLN.

[12] Короленков А. В. О начале сулланских проскрипций / А. В. Короленков // Античный мир и археология. 2021. № 20. С. 62-73.

[13] Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия» Электронный ресурс // Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/ziloty-iudeiskoe-dvizhenie-183614> (дата обращения: 29.10.2025).

[14] О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.06.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 29.06.2002. № 30. Ст. 3031.

References:

[1] Muraev, N.P. Regulatory Framework and System of Subjects of Countering Terrorism and Extremism in the Russian Federation/N.P. Muraev, A.A. Karapuzikov, A.A. Zhigalov//Russian Scientific Bulletin. – 2025. – № 11. – S. 107-112. – DOI 10.24412/2782-3830-2025-11-107-112. – EDN FTVGYM.

[2] On countering terrorism: Federal Law No. 06.03.2006 of 35-FZ (as amended on 10.07.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 13.03.2006. № 11. Art. 1146.

[3] People's Republic of China Anti-Terrorism Law: Order of the President of the People's Republic of China No. 36 of 27.12.2015 //Chinese Government Network [Electronic Resource]//Access Mode: https://www.gov.cn/zhengce/2015-12/28/content_5029899.htm.

[4] Official Website of the U.S. Department of State//U.S. Code, Chapter 22, Section 2656f [Electronic Resource]//Access Mode: <https://2009-2017.state.gov/j/ct/rls/crt/2013/224830.htm> (Accessed on: 29.10.2025).

[5] Official website of the Government of the United Kingdom of Great Britain//Anti-Terrorism and Security Act [Electronic Resource]//Access mode: <https://www.gov.uk/government/collections/counter-terrorism-and-security-bill> (accessed on: 29.10.2025).

[6] BRICS Counter-Terrorism Strategy (adopted 17.11.2020) //BRICS Information Center [Electronic Resource]//Access Mode: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/2020-counterterrorism.html> (accessed on: 29.10.2025).

[7] Shanghai Convention against Terrorism, Separatism and Extremism (approved by 15.06.2001) [Electronic resource]//Access mode: <https://rus.sectsco.org/20010615/1608470.html> (access date: 29.10.2025).

[8] Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism (adopted at the SCO meeting 15.06.2001) [Electronic resource]// Access mode: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/1744499/ (date of appeal: 26.02.2025).

[9] Gachava M. L., Simonova M. A. Theoretical foundations of the concept of extremist activity and measures to counter them//Bulletin of Vladimir State University. Series: Legal Sciences. 2023. № 4(38). S. 37-41.

[10] Grozina E.V., Grozin S.Yu. The ratio of terrorism and extremism: issues of qualification//Law and law. 2025. № 2. S. 227-230.

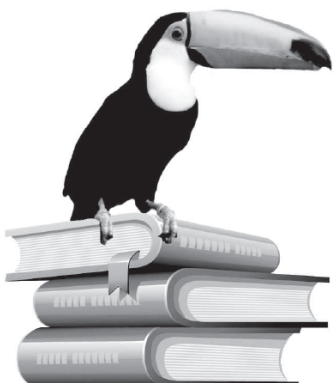
[11] Nemchinov, N. D. Historical development of legal mechanisms for the prevention and prevention of extremism and terrorism/N. D. Nemchinov//Strategies for the development of modern science: Collection of scientific articles. -

Moscow: Publishing house "Pen," 2024. - S. 17-20. – EDN NQNPLN.

[12] Korolenkov A.V. On the beginning of Sullan scriptures/A.V. Korolenkov//Ancient world and archeology. 2021. № 20. S. 62-73.

[13] Scientific and educational portal "Big Russian Encyclopedia" Electronic resource //Access mode: <https://bigenc.ru/c/ziloty-iudeiskoe-dvizhenie-183614> (accessed: 29.10.2025).

[14] On countering extremist activities: Federal Law No. 25.06.2002 of 114-FZ (as amended by 28.12.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 29.06.2002. № 30. Art. 3031.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.